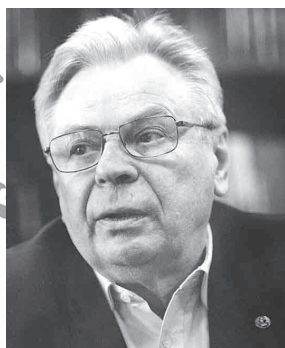

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Задача гуманитариев – добывать новое **знание** и отстаивать **истину**

О том, что сделано за последние десятилетия в сфере гуманитарных наук учеными РАН, и о задачах, которые стоят перед РАН в этой сфере, мы беседуем с **Валерием Александровичем Тишковым**, историком, этнологом, социальным антропологом, академиком РАН, доктором исторических наук, профессором, научным руководителем Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, членом Президиума РАН и директором Учебно-научного центра социальной антропологии РГГУ. С 2013 по 2022 год В. А. Тишков был академиком-секретарем Отделения историко-филологических наук РАН.

«Знание — сила»: Валерий Александрович, в преддверии 300-летия Академии наук хотелось бы задать вам два вопроса. Один вытекает из второго. Что самого важного удалось добиться в сфере наук, относящихся к Отделению историко-филологических наук РАН, которое вы представляете. Какие задачи вы видите на ближайшие годы, которые стоило бы решить этим наукам?

Валерий Тишков: Если вы имеете в виду все 300 лет, то я не берусь выносить такой вердикт. Но ясно, что без Российской академии наук наша страна, наше государство были бы другими. Потому что, начиная с рождения академии, после Петра I все крупнейшие и важнейшие достижения нашего государства, начиная от открытия и освоения территорий, не только территории России, но и мира, я имею академические кругосветные путешествия, заканчивая вопросами защиты Отечества, обеспечения обороноспособности страны, я уже не говорю о культурном производстве, связанные, конечно, с Академией наук.

Не зря Академию наук до самого последнего времени, несмотря на попытки принизить ее авторитет и ее место в нашей стране, пользуется уважением и доверием у населения. По всем рейтингам РАН находится среди наиболее авторитетных институтов нашей страны, включая прежде всего Президента, армию и Русскую православную церковь. Академия наук всегда находится на четвертом месте или на третьем. Это неслучайно, это нужно беречь, это наше достояние. Всякие попытки доморощенной культуры отмены, своего рода подсечно-огневой системы: всё снести и заново начать строить, все это напрасные хлопоты. А вот 300-летний юбилей — это повод вспомнить и отдать должное российской академической науке.

Что же касается сферы, которой я занимаюсь почти 50 лет научной деятельности, начиная с первых публикаций — это, конечно, гуманитарная наука, прежде всего исторические науки, антропология и этнология. Конечно, для меня более

сподручно говорить о последних десятилетиях уже современной РФ, т.е. оценивать не 300, а 30 лет, когда, помимо собственных изысканий, нам приходилось заниматься определением научной стратегии, руководить научными коллективами и реализовывать крупные научные проекты. Этот период нуждается в аналитической, по возможности, справедливой оценке. Все-таки в отношении дореволюционной гуманитарной науки и в отношении советской историографии много уже сказано, написано и оценено. Хотя сохраняются споры и расхождения, но в целом более или менее мы имеем адекватные представления о том, что было на самом деле в сфере развития отечественного научного знания. А вот последние десятилетия остаются полем оценок и споров, что мы сделали, чего мы достигли, та ли у нас наука, всё ли мы правильно сделали. В самые последние годы имеет место сильный накат на 1990-е годы и даже часть 2000-х, что, якобы, мы там чего-то под диктовку внешних сил творили, создавали на чужие деньги чуждые для страны интеллектуальные продукты. Однако эта новая мифология и самобичевание действительны лишь в самой малой степени.

Та помощь или, вернее, сотрудничество, которое было с нашими западными коллегами, ныне представителями недружественных стран, в первые десятилетия после образования РФ, носили неоднозначный характер. Здесь я имею в виду представителей гуманитарной науки, которая больше, чем естественные науки, подвержена воздействию идеологии и политики. На основе собственного опыта сотрудничества с зарубежными историками и антропологами должен сказать, что было много иностранных коллег, которые были искренне заинтересованы в том, чтобы мы преодолели некоторые негативы старых советских подходов, с точки зрения теории, конкретных исследований, доступа к источникам, архивам и так далее. Освоили некоторые новые направления и проблемы,

зинтеграции России, недосамоопределились, якобы, все народы при распаде на 15 государств. Россия остается своего рода новой империей или старой империей с урезанными границами, и ее народы должны самоопределиться. Зарубежные историки и этнологи восхваляли «освободительные движения» не только в Чечне, но и в других российских регионах. Хотя некоторые ученые выполнили в те годы вполне объективные исследования национального вопроса и национальной политики в России и в СССР. Неслучайно книги историков Доминика Ливена, Андреса Каппеллера, Рональда Сюни, Шейлы Фицпатрик, Терри Мартина, а также этнологов-антропологов Юрия Слэзкина, Жульет Кадио, Фрэнсис Херш, Марджори Бэлзер и некоторых других авторов переведены и были изданы в России.

Надо сказать, что радикальная повестка была и у части российских коллег, которым мы уже тогда противодействовали, несмотря на то, что в общественно-научном секторе доминировала либеральная идеология. Некоторые коллеги также ратовали за беспредельное самоопределение на этнической основе, в частности, у меня в 1990-е годы были споры с Галиной Васильевной Старовойтовой и группой Сахарова

по поводу конфликта вокруг Карабаха и некоторых других конфликтных ситуаций того времени.

В целом международное сотрудничество после 1991 года, конечно, расширилось и многое дало, хотя западные гранты и содержательные подкаски составили лишь самую малую часть исследовательского фронта прошлых десятилетий. Глупо судить по одному учебному пособию по истории об основных линейках школьных учебников, которые писались серьезными и ответственными авторами и проходили тщательную экспертизу. Нельзя судить о некоторых публикациях Московского центра Карнеги о тех фундаментальных трудах, которые были созданы коллективами академических институтов и вузовской профессурой.

Достижения этих, пожалуй, наиболее плодотворных лет в истории отечественного гуманитарного знания бесспорны, если посмотреть непредвзятым взглядом. Во-первых, в стране произошли серьезные изменения в части возможностей для научного труда, где дело далеко не ограничивается только денежными пособиями. Для историков важна была так называемая архивная революция, открытие доступа к многим архивным фондам, которые были до этого недоступны. Хотя процесс рассекречивания дале-

Работа с архивными фондами

Юлиан Владимирович Бромлей

ко не завершен, по-прежнему остается много материалов, которые сейчас только открываются. Когда уж, как говорится, назрело, то обнаруживаются документы о преступлениях бандеровцев или о коллаборационистах времен ВОВ, хотя прошло уже столько лет и давным-давно эти документы должны были быть доступны историкам. Возможно, тогда не было бы так легко заниматься реабилитацией и прославлением фашистов и их пособников.

Во-вторых, за последние 30 лет открылись новые возможности для реализации результатов научных исследований. Для гуманитариев это прежде всего книги и статьи. Напомню, какие были ограничения в части публикации книг в советское время: рукописи по воле администрации сначала попадали в план редподготовки, затем в план издания в издательстве «Наука». У некоторых коллег рукописи книг лежали в столе годами. Кое-что можно было опубликовать в издательстве «Мысль», но, в принципе, не было свободного творчества с точки зрения реализации своих материалов и идей. Советская цензура и самоцензура были большим тормозом в развитии науки. После 1991 го-

да появилось много новых издательств, исчезли цензоры, решавшие, публиковать или не публиковать ту или иную работу. Поэтому расширилась панорама гуманитарной продукции. Например, за 26 лет, когда я был директором института, начиная с 1989 года, за это время мы издали книг, монографий, статей раз в десять больше, чем за предыдущие 20 лет, когда тоже был достаточно квалифицированный коллектив и директором был Юлиан Владимирович Бромлей, человек свободный и эрудированный, но общие условия были не те.

Не знаю, насколько сохранится вообще книжная форма реализации научного знания, но по крайней мере эти 30 лет научная книга, несмотря на то, что почти обанкротили издательство «Наука», сохранилась, как и научные журналы, появившиеся в большом числе наряду со старыми. Таким образом, доступность первичных материалов, возможности для полевых исследований для этнологов и антропологов; для социологов обследования стали гораздо более доступными (не надо каждую анкету согласовывать чуть ли не в идеологическом отделе ЦК КПСС) — все это было большим позитивом. Наконец, важнейшим моментом было создание в начале 1990-х годов научного фонда РГНФ, который через систему конкурсных грантов поддерживал сотни и тысячи научных проектов, экспедиций, конференций, публикаций. Слияние фонда с РФФИ сохранило этот источник поддержки научных проектов. Сейчас РНФ также существенно поддерживает гуманитарные науки.

В области литературоведения и языкознания была создана большая научная литература, отражавшая общий процесс рождения литературных форм, новых оригинальных писателей. Речь идет прежде всего о художественной литературе, ибо поэзия ушла на второй план по сравнению с 1960–70-ми годами, когда мы ходили и слушали поэтов на площади Маяковского или в Политехническом музее. Хотя словесность в форме ро-

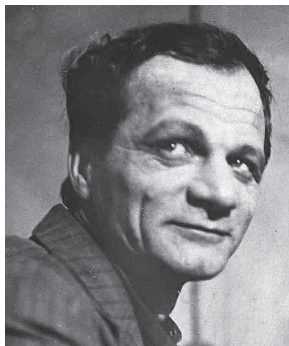
манного творчества особо не выделилась за эти 30 лет, но появились другие вещи, связанные с потребностью века информации, в культурных текстах появилось много публицистики в разных медийных сферах. Появился интернет. Поэтому из печатных текстов многое перешло в другие формы общения.

«ЗС»: Я еще могу напомнить, что у литературоведов появилась возможность вернуть имена и исследовать творчество писателей, которые жили в СССР и были под запретом, либо жили за границей и тоже были под запретом в советское время.

В. Т.: Да. Это феномен открытия имен, также, как в истории открытие новых тем. После 1991 года у нас появились серьезные исследования, связанные с депортацией народов, с более объективным описанием таких событий, как Великая Отечественная война 1941–45 годов, особенно исследования о повседневной жизни народа в это время. И в области литературоведения тоже многое в научной повестке было связано с открытием имен и новых тем, а также получение доступа к некоторым архивам писателей, как, например, архив Андрея Платонова и некоторые другие коллекции.

С этой точки зрения в историко-филологическом комплексе ученые пережили благотворный творческий период, несмотря на сложности и трудности постсоветских трансформаций. Одной из таких трудностей были низкие заработные платы и вместе с этим снижение престижа ученого, включая звание профессора и академика. Можно было наблюдать, как до 1991 года на всяких приемах, которые устраивали по случаю национальных праздников, зарубежные посольства, в самых первых рядах у нас были академики и артисты. Прошло менее десятка лет, и среди элиты и випперсон появляются менеджеры, бизнесмены, депутаты, политики, юристы, а мы где-то уже на втором плане.

Это был естественный процесс перемен в социальной структуре российского общества, не самый благопри-

Андрей
Платонов

ятный для академического сообщества. В итоге облик ученого, включая образ академика, оказался приниженым и размытым, появились разные самопальные академии и академики, а за 200 долларов можно было стать даже академиком Нью-Йоркской академии наук.

Однако природа научного труда и людей, которые идут в науку, в принципе не изменилась: они как были, так и остались тружениками, которые не считают время работы от девяти до шести вечера и лишь пять дней в неделю, а чаще всего трудятся постоянно и с полной отдачей своих сил. Это тяжелый и сложный труд ученого, труд ученого-гуманитария. Нужно постоянно отслеживать ситуацию в своей области занятий, недостаточно просто переписать тот или иной текст или пересказать хотя и умные, но не свои мысли. Задача ученого — произвести новые знания, то, чего до этого не было известно, или же дать какие-то новые интерпретации, объяснения событий или процессов, которые имели место как в прошлом, так и в настоящем, потому что мы не оторваны от настоящего, с ним связаны. Многие темы, которыми занимаются историки, продиктованы сегодняшней повесткой, потому что каждое новое поколение по-своему мобилизует историческое прошлое для того, чтобы лучше ориентироваться в настоящем и решать нынешние проблемы.

Если говорить о достижениях и одновременно о проблемах, у нас родились целые новые дисциплины и направления.

«ЗС»: Это буквально за последние годы?

В.Т.: За последние пару десятилетий. Мы берем последние 30 или 20 лет.

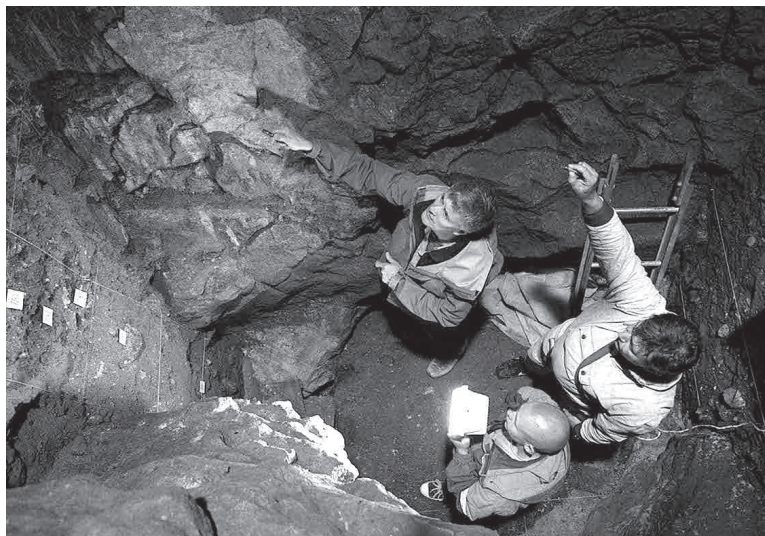
Во-первых, сильно продвинулась археология. Страна у нас большая, копать есть где, история освоения этой огромной евразийской территории всегда интересна не только нам, но и всему миру. Поэтому у археологов всегда было, есть и будет место в нашей стране. Но появились новые методы изучения материалов далекого прошлого, которых не было до этого, использование естественнонаучных методов, в частности всё, что связано с генетикой, с расшифровкой ДНК. Это новый прорыв в антропологии позволил сделать некоторые фундаментальные открытия о ранних этапах эволюции человека, в том числе и основных эволюционных ветвях. Я имею в виду открытие сибирскими учеными денисовского человека. Археологические раскопы появились даже на Кремлевском холме.

Многие другие вещи связаны с изучением ранних этапов человеческой эволюции. Одна из последних актуальных тем – история болезней и эпидемий.

«ЗС»: Какой-то стык медицины, истории, антропологии.

В.Т.: Да, конечно. Про медицинскую антропологию скажу ниже.

Но чтобы завершить анализ ситуации в области историописания, напомним об архивной революции. Много стало издаваться документов, в том числе акты российской государственности, издаются документы по отечественной истории, по ранней средневековой истории, письменные памятники народов и стран Востока и другие. Хотя погоня научных сотрудников за наукометрическими показателями не способствует публикаторской работе. То же, кстати, касается и литературоведов. Издать и подготовить к изданию том или многотомное собрание сочинений классиков литературы – это порой потратить всю жизнь. Но с точки зрения оценки этого вида научной работы возникает вопрос: «Где ваша статья в рейтинговом журнале?», «Какой у вас индекс Хирша?». Так что мы в последние годы всячески отстаиваем более сложные и адекватные системы оценки результатов научного труда гуманитариев. Я лично это делал на самом высоком уровне, включая Президента и министра, чтобы оценивали должным образом работы по подготовке публикаций первоисточников, собраний сочинений или энциклопедические издания. А кто иначе будет готовить энциклопедии, ибо никакой вуз не сможет это сделать, как бы вы ни забрасывали деньгами вузов-

Археологи
в Денисовской
пещере

*Археологические раскопы
на Кремлевском холме*

ских преподавателей, которые, кстати, настолько перегружены аудиторными занятиями, что у них нет возможности создавать большие проекты. Они никогда не издадут академическую историю России, они никогда не издадут серию из 37 томов «Народы и культуры», которая потребовала 25 лет труда нескольких сотен авторов.

Так что крупные научные проекты все-таки оставались за РАН, они были реализованы и реализуются. Почти все академические институты этим занимаются, хотя несведущие иногда вопрошают: «Чем они занимаются?» На самом деле есть понятие «фундаментальная наука», спрос на которую может быть не только сегодня и не только завтра, но и по-

злезавтра. Поэтому это нужно иметь в виду. Некоторые вещи, казалось бы, не очень нужные, на самом деле они могут оказаться очень актуальными. Я помню, на заре «перестройки» я, будучи замдиректора Института этнографии АН СССР, с академиком Бромлеем отчитывался в Черемушкинском райкоме партии, где нам сделали выговор за то, что мы всяким мелкотемьем занимаемся: какими-то месхетинскими турками и т. п. Прошло два года, и тут рванула в Узбекистане проблема месхетинских турок. Все забегали: «А где они живут, месхетинские турки?», «А что такое Карабах?», «Что за проблема Пригородного района Осетии?» и т. д. А мы этими вещами занимались, изучая этнические процессы и межнациональные отношения.

Скажу о научной области, которая ближе всего мне, — этнология и антро-

Турки-
месхетинцы
в Ферганской
долине.
1989 год

пология, где тоже произошли серьезные изменения. Во-первых, содержание и статус науки, даже ее название изменилось, вместо этнографии появился Институт этнология и антропологии. В 2008 году удалось открыть в стране направление самостоятельной подготовки высшей школы под названием «Антропология и этнология». То есть мы теперь не вспомогательная историческая дисциплина – этнография. Мы в РГГУ уже 20 лет готовим социальных антропологов, начиная с первого курса, бакалавров и магистров. То есть родилась фактически новая дисциплина, которая существует во всем мире, – социально-культурная антропология. Не только физическая антропология, но и социально-культурная антропология, которая изучает не только этничность, но и различные проявления культуры на коллективном уровне, институты и прочие, которые создаются человеком, человеческими сообществами, не только этническими. Поэтому родились в это время, в том числе по моей инициативе, городская, медицинская, юридическая антропология, конфликтология и гендерные исследования.

«ЗС»: Эти научные направления рождались в масштабах мировой науки или это заслуга именно российской науки?

В.Т.: Многое в науке рождалось под влиянием общемировых тенденций.

Скажу, почему я инициировал переименование института и новые дисциплины, поскольку я был на мировых конгрессах, которые называются «международные конгрессы антропологических и этнологических наук – «МКАЭН», и наш союз, который аффилирован при Юнеско, называется International Union for Anthropological and Ethnological Sciences. Так что это определенное влияние оказало. Однако социально-культурная антропология – это не только западное изобретение. Сегодня антропологов в Индии и в Китае не меньше, чем в США: там также есть факультеты в университетах и научные ассоциации, не говоря уже о самих исследованиях. Это мировой процесс, и быть от него оторванными – неправильно. Ученые обмениваются мнениями, общаются, получают образование. Молодые люди из России получали степени в зарубежных институтах. Также к нам приезжали многие иностранцы изучать коренные малочисленные народы Сибири, работать в архивах и музеях. Неплохие, кстати, работы сделали как историки, так и антропологи. Так что этот обмен был и довольно плодотворный.

«ЗС»: Но сейчас отечественные ученые самым непосредственным образом участвуют в развитии этих наук?

В.Т.: Да. Но все-таки не могу сказать, что мы преодолели изоляцию, которая

у нас была, что мы есть интегрированная часть мирового научного гуманитарного издания. Российская гуманитарная наука имеет свои отличительные характеристики. Во-первых, есть языковой барьер. Мы пишем на русском языке, а мировая гуманитарная наука предпочитает английский, хотя и плохой, но английский. На этом английском некоторые тексты вообще понять трудно, не говоря уже о бедности мысли. Родной русский язык в таком случае имеет явные преимущества, хотя далеко не все в мире могут на нем читать. Тем не менее и индусы, и китайцы теперь много пишут на английском, я уже не говорю об европейцах, африканцах и так далее. Так что язык науки — серьезное отличие, но через него мы сохраняем свой суверенитет, и мы несем ответственность за русский язык, за русскоязычную науку. Пусть естественники, химики, физики, биологи, астрономы пишут на английском, у них главное — это формулы, и между ними, может быть, несколько описательных слов и всё. Но у гуманитариев текст не снимается выводом, и для нас язык — это наше орудие, как можно писать о русской словесности на английском языке?

И еще наша отличительность в том, что сохраняется влияние наших научных школ, прежде всего марксизма. Сохраняется позитивистский взгляд на природу социального — он остался с нами, несмотря на всякие модные вещи, связанные с постмодернизмом, с социальным конструктивизмом. Все-таки мы в основном остались кондовыми позитивистами, марксистами. Нас больше интересуют вещи, которые мы называли базисными, а также закономерности и процессы, а не процессуальность и субъективные предписания, идейные и эмоционально-психологические мобилизации. Хотя интерес к ментальности сейчас есть и многое сделано, в том числе по интеллектуальной истории и по истории ментальности. По духовно-нравственным ценностям и традициям появился мощный запрос на изучение истории и культуры на основе ценностного подхода.

В плане отличительности я бы сказал, что мы в большой степени сторонники преемственности в научных школах. У нас нет, как на Западе, когда каждое новое поколение все сносит, что написали предшественники. Леви-Стросса, Бронислава Малиновского, Маргарет Мид — на свалку, мы напишем всё по-новому — это такая культура отмены в науке. У нас же предпочитают пространные историографические введения не только в диссертационных, но и в других работах, и это — общепринятая норма, а критика предшественников, особенно учителей, — это уже аномалия. В этом не только проявление уважительности, но это в какой-то мере свидетельство глубины наших корней, что позволяет смотреть глубже на проблему. В этом отношении мы ближе к китайцам. Китайцы могут и на тысячу, и на две тысячи лет, а мы можем в XVII, XVIII и XIX века заглядывать с точки зрения академической традиции и истории вопроса.

Еще одна особенность нашей гуманитарной науки — это широкий интерес к миру, не только к России. Эта установка старой советской науки, а может быть, даже и дореволюционной российской академии наук. Напомню, что Русское географическое общество снаряжало экспедиции по всему миру, и одними из первых совершили кругосветное путешествие именно российские путешественники, включая научную составляющую. Таким образом, особая черта нашего гуманитарного знания и социальных наук — это доброкачественная претензия на познание всего мира. Только в наших школьных учебниках преподается всеобщая история зарубежных стран и регионов.

Глобальная претензия проявляется в том, что мы создали многотомную всемирную историю, мы создали атлас народов мира, который американцы перевели в 1964 году, поскольку они таких глобальных проектов и знаний мира не имели. Эта традиция интереса к внешнему миру и к глобальным процессам сохраняется. Размышлять, куда мы идем, что

мы построили, что мы следующее будем делать — это проявилось, кстати, сейчас увлечением цивилизационным подходом, культурологической категорией цивилизации. Хотя с точки зрения строгой науки — концепт цивилизации уязвимый, особенно если за ним скрывается попытка отрицать восприятие России как крупнейшей нации мира. «Мы не нация, мы — держава-цивилизация», — считают некоторые наши политологи. За этим скрывается нежелание заниматься фактами и реальностью бытия, ибо просто философствовать легче.

Еще одна особенность гуманитариев, кроме глобального интереса, это — историзм, оценка событий с точки зрения исторического прошлого. Категория историзма как метода была и остается с нами. Но, с другой стороны, не должно быть абсолютизации прошлого и прошлых норм. Это порой переклещивание, что нам надо восстановить некие прошлые духовно-нравственные ценности и прошлые нормы, по которым жили наши

предки чуть ли не со средних веков — это, конечно, утопические вещи. Все-таки условием развития являются перемены. То, что мы сегодня считаем традицией, на самом деле вчера было инновацией, а сегодняшняя инновация будет завтра традицией. Поэтому нужно подходить к этому более зрело, более гибко и более осознанно.

Так что в ценностном подходе прежде всего важно то, что нам сегодня нужно из этих ценностей, какова их потребность. Если сейчас есть потребность изучения исторического опыта защиты Отечества, патриотизма как сферы самосознания, коллективистских форм мобилизации, проявлений солидарности народов нашей страны, то, естественно, это должно отражаться в научной тематике и в реализуемых проектах.

В плане развития социально-культурной антропологии целые направления сложились и много новых книг издано. Я уже упомянул медицинскую

Штаб-квартира РГО в Санкт-Петербурге

антропологию, это все, что связано с культурой тела, отношением к здоровью, к болезни, к смерти. Я бы так сказал, есть институциональная официальная медицина, но есть пласт знаний народных традиций, которые связаны с отношением к человеку и его телу. Поэтому сейчас некоторые специалисты считают, что третий демографический переход и рост населения возможны не в результате новых вакцин, лекарств и методов лечения, а в результате изменения отношения человека к своему здоровью. Это, кстати, наблюдается и в нашей стране. Потому что радикально снизилось число курящих, но остаются проблемы с потреблением алкоголя, русский «авось» остается с нами, что ведет к неоправданным потерям среди россиян.

«ЗС»: Косвенные причины.

В. Т.: Да, косвенные причины смерти: ДТП, отравления, пренебрежение здоровьем. Кстати, и это связано с некоторыми народными традициями и социальным опытом.

Юридическая антропология — это все, что связано не с фиксированным правом, кодифицированным правом, а с обычаем и т. н. низовыми (народными, коммунальными) нормами регулирования отношений между людьми и общинами. Регулярное право не всегда отражает все тонкости и динамику жизни. Есть сферы, которые регулируются не правом, а обычаем. У нас есть регионы, где это по-прежнему сохраняется, и эту часть жизни надо изучать и учитывать. Например, Крайний Север. Есть сообщества, группы людей, которые должны иметь особые права и преференции, исключения из общего правила. Например, коренные малочисленные народы, которые проживают в уязвимой экологической среде, ведут традиционный образ жизни: оленеводство, охота, рыболовство и другие вещи. Для них земля и традиционные угодья, квоты для рыбной ловли и так далее — должны быть особыми. А в силу своей малочисленности у них, в отличие от остального населения, есть право на альтернативную военную службу, есть более ранний

выход на пенсию. Вот чем занимается юридическая антропология — это особый комплекс прав, который связан с культурными особенностями и системами жизнеобеспечения людей.

«ЗС»: Какой-то сплав юриста и культуролога, получается, должен быть?

В. Т.: Юридические антропологи работают повсюду. Например, Всемирный банк требует, чтобы все крупные ресурсо-добывающие компании, которые работают в разных регионах мира, в своем штате имели культурного антрополога или юриста-антрополога, который бы знал, что нельзя в Амазонии выкорчевывать лес, иначе живущие там тысячелетиями индейские группы просто погибнут. Нельзя перекрывать и строить дамбы, все затапливать, если есть какие-то особые места, от которых зависит жизнеобеспечение целых общин и культура народа.

Так что у нас ныне есть юридическое сообщество антропологии, есть журнал, есть специалисты, в том числе с юридическим образованием. Тот же Анатолий Иванович Ковлер был судьей в Европейском суде, у него есть учебник «Юридическая антропология». Все, что связано с правами меньшинств, с декларациями, в РФ сейчас закон принят «О нематериальном культурном наследии Российской Федерации». Там работы для юридического антрополога много.

Городская антропология — тоже сфера, хотя село, казалось бы, более традиционно, но на самом деле современный город более этнографичен, чем деревня. В деревне как раз уже вся массовая культурная нивелировка произошла, а в городе разнообразия больше, начиная от состава самих жителей, их образа жизни, и кончая этнографическими музеями, разными святыми местами, местами поклонений, памятниками и так далее. Недавно видел, какая очередь стоит к могиле Матроны Московской на Даниловском кладбище.

«ЗС»: Там в последние годы всегда стоит большая очередь.

В. Т.: Да. Есть также какие-то источники, есть места для записочек.

В нашем главном здании РАН стоит барабанный идол с берега Макляя из Океании, там вверху на его макушке кто-то записочки прячет. Так что своего рода городское неоязычество сохраняется и воспроизводится. Есть понятие «городские субкультуры», разные сообщества городские, особенно среди молодежной страты – хипстеры, косплейщики, толкиенисты и прочие. Этим всем занимается городская антропология.

В нашей науке еще родилось направление – политическая антропология. То, чего в советское время фактически не было: это изучение природы власти, государства как института, т.е. антропология государственности. До этого изучали только как возникли ранние сообщества, как возникло государство. Еще начиная с Энгельса, с его труда «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Но политическая антропология, включая конфликтологию, вышла уже на современные проблемы. Это тоже мировая дисциплина. Здесь американцы были одними из первых, один коллега издал книгу, называется «Племя на холме», на Капитолийском. Он исследовал Капитолий и конгрессменов с точки зрения социально-культурной антропологии, как они там места занимают, начиная от парковки, кончая кабинетами, как секретарш нанимают, как ведут себя внутренние лоббисты и т.п.

Поэтому эти вещи, связанные с функционированием политики как сферы, как института – этим занимается политическая антропология, не политикой, которая занимается политическим процессом, принятием решений и так далее, а некоторыми культурными смыслами политического. Многие вещи не понять без этого, как и что действует, например, феномен лидеров-харизматиков, или феномен идеологической обработки (индоктринации) в пользу разных «священных идей» и «освободительных проектов», под воздействием которых ребятишки из сел и городских пригородов с автоматом Калашникова или гранатометом включаются в воо-

руженную борьбу на стороне террористических сил и внешних подстрекателей. Это всё культурные вещи, всё, что связано со сферой политики и конфликтом.

Есть такое понятие из названия одной из книг: «Culture counts, resources decide» – культура имеет значение, но всё решают ресурсы. А спустя двадцать лет, вышла книга с другим названием: «Resources count, culture decides» – ресурсы имеют значение, но все решает культура. У тебя может быть ресурсов завались: и нефти, и газа, но как ты был бедняком, так ты и остался бедняком. Значит, чего-то не хватает? В культурном коде общества содержится многое, чтобы наладить эффективное правление. Это понятие «эффективное правление», не правительство, а правление, в более широком смысле слова, включая институты гражданского общества, включая возможность согласия, предотвращение конфликта. Феномен власти очень интересный, важный объект науки. У нас до 1991 года была своя система, очень жесткая, однопартийная, основанная на одной моноидеологии, там особо не разбежишься. Все сводилось к западной кремленологии, кто в каком ряду стоял на трибуне Мавзолея, в каком порядке сидели вожди в президиуме и ни больше, ни меньше.

А сейчас здесь целая сфера политической антропологии. У нас появились факультеты, готовящие политиков, политологов, где политическая антропология читается, есть учебники. Написанный мною (в соавторстве с Ю.П. Шабаевым) учебник МГУ вышел уже тремя изданиями. Он называется «Этнополитология. Политические функции этничности». Учебник очень популярный.

«ЗС»: Какие задачи стоят перед гуманитарными науками?

В.Т.: Есть задачи стратегического плана, которые стоят перед любой фундаментальной наукой, тем более перед академическим сообществом – это продолжать поиск истины и добывать новые знания. Но это остается, и нет ничего более значимого

и прикладного, чем хорошая теория. Поэтому разработка теоретических основ развития общества, в данном случае такого культурно-сложного общества как Россия, остается задачей гуманитарной науки. Кто иначе будет объяснять народу и управленцам, «откуда есть пошла Русская земля» и как ей ныне обеспечить благополучие? Многие из этого еще школьный учитель объясняет ученику, но перед ним лежит учебник. А кто написал учебник? Учебник должен написать академик или умелец, который пишет учебники, используя труды академика. Так ведь? Так. Значит историкам нужно создать достоверные версии прошлого, за которые не стыдно ни сегодня, ни завтра.

С точки зрения филологической науки надо продолжать изучать языки, языковые процессы, причем как государственный язык русский, так и всю

создали 6-томную всемирную историю, но у нас уже давно, лет 40–50, нет академической истории России. Сейчас Институт российской истории готовит 20-томную историю России. Этот труд будет отражать современный уровень знания, основан во многом на новых источниках и подходах, включать некоторые переоценки таких ключевых событий и периодов, как формирование и политика Российской империи, Великая российская революция 1917 года, советское наследие, распад СССР и постсоветские трансформации. Мы оценили советский «большой проект» в более сложной динамике.

Россия.
Языковая и этническая
идентичность

языковую палитру нашей страны, желателен и мир тоже. Как сохраняются языки, как они живут, собираются ли они умирать и как их надо спасать? Это задача фундаментальная. То есть изучать и понимать наше этнокультурное и религиозное, региональное и местное разнообразие. Но не должно быть одержимости различиями: общего среди россиян больше, чем различий.

Что касается фундаментальной науки, то я бы сказал, что нам необходима новая академическая версия истории России. Наши коллеги в Институте всеобщей истории

«ЗС»: Тогда идеология играла существенную роль, поэтому, в любом случае, новые оценки должны быть иными.

В. Т.: Да, но идеология и сейчас никуда не делась. По крайней мере, какое-то разнообразие и более терпимое отношение к разным подходам необходимы. Раз у нас есть несколько партий, наверное, не может быть одной идеологической программы. Это с точки зрения истории, с точки зрения словесности я уже сказал про языки. Но есть вещи, которые связаны и с социально-культурной антропологией. Мы должны внимательно относиться к тому, какие процес-

сы происходят у нас в составе населения, особенно с учетом миграции, как у нас меняется динамика в соотношении основных этнических общностей и конфессий, как будет сохраняться доминирующее демографические и социально-культурное положение русских, которые ныне составляют 80% населения. Ясно, что без русского нет российского, но и российское нельзя сводить к русскому.

Эти все вопросы наши, мы должны их отслеживать, выработать какие-то рекомендации. Это задачи этнологов и демографов, мигрантоведов, потому что у нас появляются «новые этнические группы» мигрантского происхождения, которые приехали в Россию в основном после 1991 года, уже имеют потомство, стали уже гражданами, поэтому динамика и номенклатура этнического состава меняется, за этим надо следить и изучать.

Еще одна тема для антропологов – это проблемы, связанные с медийными воздействиями, с индоктринацией, особенно с влиянием войны идеологий, т. н. гибридных войн, где информация, в том числе ложная и намеренно искаженная, становится новым оружием и оказывается эффективной. Достаточно 10 лет, и можно переформатировать мозги целого поколения, особенно молодого, у которого сознание формируется с чистого листа.

К этому примыкает для нас, историков и этнологов, проблема недобросовестных ревизий событий прошлого. Попытка пересмотреть характер и итоги Второй мировой войны, Великой Отечественной войны, представить Россию сегодня как новую неоколониальную империю. Это также проблемы, связанные с русофобией, с отрицанием значимости для мировой цивилизации культуры, созданной на русском языке русскими писателями, композиторами, учеными. Противодействие фальсификациям, новому ревизионизму и внешним идеологическим воздействиям – актуальная проблема для нашей науки.

Есть некоторые, я бы сказал, вечно актуальные вопросы для гумани-

тарной науки: проблема справедливости, проблема счастья, что значит быть удовлетворенным от жизни, ценности вещи, во что люди верят, чем они руководствуются, начиная от семьи, кончая представлением о родине, все, что связано с формированием идентичности общероссийской, которая не исключает этнокультурную, региональную, конфессиональную идентификации.

Понимание и участие ученых в процессе утверждения и формирования российской идентичности, включая образ Родины, знание истории, культуры и языка, уважение символов и традиций – все это часть нашей профессиональной ответственности как граждан страны. Роль духовности и ментальных вещей сегодня гораздо более важна, чем в прошлом. Потому что различия людей уходят из материальной сферы, мы все сегодня с одинаковыми гаджетами, примерно одним набором предметов материальной культуры, а различия между народами сохраняются и уходят больше в сферу ментальности, они никуда не исчезли и не исчезнут. Люди как были разные, так и будут, в том числе сообщества не только этнические и религиозные, но и, конечно, страновые. Роль национального государства не уходит, а наоборот, сохраняется и даже усиливается, что особенно проявилось в условиях недавней пандемии.

Пока на горизонте человеческой эволюции я, как историк, не вижу более мощной и нужной человеку социальной группировки людей, которая называется «государство» или национальное государство (nation state), для меня это синонимы. Потому что все государства, которые входят в Организацию объединенных наций, считают себя национальными государствами, а значит, таковыми и являются.

Беседовал Игорь Харичев